

Г.М. Запорожченко*

КТО И КАК ЗАЖИГАЛ ЗВЕЗДЫ.

РЕЦЕНЗИЯ: НЕЧКИНА М.В. КОВАЛЬ С.Ф. ПЕРЕПИСКА
ДЕКАБРИСТОВЕДОВ (1974–1985 ГГ.)
/ М.В. НЕЧКИНА. С.Ф. КОВАЛЬ; [ПУБЛ., ПРЕДИСЛ.,
КОММЕНТ. Н.П. МАТХАНОВОЙ]. ИРКУТСК: ИРКУТСКИЙ
МУЗЕЙ ДЕКАБРИСТОВ, 2025. 288 С.**

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-17
УДК 94(470+571)

Выходные данные для цитирования:

Запорожченко Г.М. Кто и как зажигал звезды. Рецензия: Нечкина М.В. Коваль С.Ф. Переписка декабристоведов (1974–1985 гг.) / М.В. Нечкина. С.Ф. Коваль; [публ., предисл., коммент. Н.П. Матхановой]. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2025. 288 с. // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 243–256. URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-17.pdf>

G.M. Zaporozhchenko*

WHO LIT THE STARS AND HOW.

REVIEW: NECHKINA M.V. KOVAL S.F. CORRESPONDENCE
OF DECEMBRIST STUDIES (1974–1985) / M.V. NECHKINA.
S.F. KOVAL; [PUBL., PREFACE, COMMENTS
BY N.P. MATKHANOVA]. IRKUTSK:
IRKUTSK MUSEUM OF THE DECEMBRISTS, 2025. 288 P.**

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-17

How to cite:

Zaporozhchenko G.M. Who Lit the Stars and How. Review: Nechkina M.V. Koval S.F. Correspondence of Decembrist Studies (1974–1985) / M.V. Nechkina. S.F. Koval; [publ., preface, comments by N.P. Matkhanova]. Irkutsk: Irkutsk Museum of the Decembrists, 2025. 288 p. // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 243–256. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-17.pdf>]

Abstract. In a new book, the achievements of Russian Decembrist studies are related with a dialogue in the community of historians. N.P. Matkhanova, who has extensive experience in Decembrist studies, has published and scientifically commented on 124 epistolaries of Academician M.V. Nechkina and Irkutsk researcher of Decembrism S.F. Koval for 1974–1985, which are stored in the Archives of the Russian Academy of Sciences and the State Archive of the Irkutsk region. These documents discuss general issues of Decembrist studies and archaeography in connection with the publication of the documentary series “Polar Star” which was edited by M.V. Nechkina until her death, and was initiated and led by S.F. Koval. In terms of methodology, an ideographic approach is used, where the circumstances and mechanisms of intellectual activity become the object of scientific reflection. It is shown that the authors’ views on the objectives of the “Polar Star” project go beyond the paradigm of Decembrism, which is classic for Soviet historiography. It is intended to provide a deep understanding of one of the most important issues in the historiography of Russian history: how the government and society perceived and responded to the crisis of the autocratic serfdom system in the first quarter of the 19th century. The letters are important for understanding the personal qualities of M.V. Nechkina and S.F. Koval. The book’s high scientific level is supported by an extensive scientific and reference apparatus and a high level of editorial culture. The author’s exhaustive comments on the letters demonstrate his exceptional erudition and competence. The book significantly clarifies the process of creating the “Polar Star” series.

* Галина Михайловна Запорожченко, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: galinakoop@yandex.ru

Galina Mikhailovna Zaporozhchenko, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: galinakoop@yandex.ru

** Статья подготовлена в рамках научного проекта FWZM 2024-0008 «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов».

The article was prepared as part of the scientific project FWZM 2024-0008 “Society and Power in Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, and Actor Identity”.

Keywords: documentary series “Polar Star”, Decembrists, Decembrist Studies, M.V. Nechkina, S.F. Koval, epistolary heritage.

The article has been received by the editor on 08.09.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В новой книге достижения отечественного декабристоведения соотнесены с диалогом в сообществе историков. Н.П. Матханова, обладающая огромным опытом в декабристоведении, опубликовала и научно прокомментировала хранящиеся в Архиве Российской академии наук и Государственном архиве Иркутской области 124 эпистолярные академика М.В. Нечкиной и иркутского исследователя декабризма С.Ф. Коваль за 1974–1985 гг., где обсуждаются общие проблемы декабристоведения и археографии в связи с изданием документальной серии «Полярная звезда», главным редактором которой вплоть до своей кончины была М.В. Нечкина, а инициатором и душой проекта – С.Ф. Коваль. В методологическом плане используется идеографический подход, когда объектом научной рефлексии становятся обстоятельства и механизмы интеллектуальной деятельности. Показано, что воззрения авторов писем на задачи проекта «Полярная звезда» выходят за пределы парадигмы декабризма, классической для советской историографии. Он призван глубоко фундировать одну из важнейших проблем историографии российской истории – как власть и общество осознавали и реагировали на проявления кризиса самодержавно-крепостнической системы в первой четверти XIX в. Письма важны для понимания личных качеств М.В. Нечкиной и С.Ф. Коваль. Высокий научный уровень книги поддержан обширным научно-справочным аппаратом, высокой эдиционной культурой. Исчерпывающие комментарии к письмам свидетельствуют о чрезвычайной эрудиции и компетентности автора. Книга существенно конкретизирует процесс создания серии «Полярная звезда».

Ключевые слова: документальная серия «Полярная звезда», декабристы, декабристоведение, М.В. Нечкина, С.Ф. Коваль, эпистолярное наследие.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025 г.

В 2025 г. вышла в свет книга «М.В. Нечкина. С.Ф. Коваль. Переписка декабристоведов (1974–1985 гг.). Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2025», подготовленная доктором исторических наук Н.П. Матхановой¹.

Изучение истории декабризма — оппозиционного самодержавию движения в русском дворянском сословии, возникшего после окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов в виде конспиративных кружков и организаций и закончившего свое существование открытыми военными выступлениями 1825–1826 гг., занимает одно из выдающихся мест в отечественной историографии на протяжении более чем 100 лет начиная с последних десятилетий XIX в.² Тем не менее историография декабристоведения продолжает обогащаться новыми идеями и пополняться новыми трудами.

Начало перестройки в конце 1980-х гг. необычайно обострило интерес к истории общественно-политической мысли. В научном сообществе уже в значительной мере отрефлекси-

¹ Наталья Петровна Матханова (род. в 1946 г.) — российский историк, специалист по истории управления и общественной жизни Сибири XIX в. и источниковедению, доктор исторических наук (1999), профессор, автор тома материалов декабриста А.В. Поджою в документальной серии «Полярная звезда».

² Ильин П.В. Декабристоведческая научная традиция: актуальные задачи изучения в прошлом и настоящем // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 146.

рован процесс постепенного отхода в течение постсоветского периода от монополии советской идеологии в декабристоведении и пересмотра сложившихся представлений. Позитивным достижением научных исследований трех последних десятилетий в условиях сформировавшейся конкурирующей научной среды стало все более отчетливое понимание сложной природы декабристских идей, совмещения в их политических планах либерально-реформаторских и радикальных черт, отечественного и зарубежного опыта, религиозных и национальных чувств³.

В то же время потенциал этой плодотворной для развития науки историографической ситуации ограничивается негативным воздействием новых идеологических доминант, в частности, значительно усилившихся идей консервативно-охранительного спектра, по существу отрицающих правомерность участия общественных сил в государственных преобразованиях – «традиции, берущей свое начало от официальной идеологии самодержавной власти, современной декабристам»⁴. Подобный подход проникает как в труды некоторых профессиональных историков, так и широко тиражируется в СМИ, киноиндустрии, околонучном комьюнити.

Так, вышедший в российский прокат в 2019 г. художественный фильм «Союз спасения» (реж. А. Кравчук), повествующий о восстании декабристов и рекомендованный действовавшим тогда министром культуры В. Мединским для обязательного просмотра в школах, назван профессиональными историками «подлостью против зрителя»⁵, поскольку совершенно не раскрывает содержания и значения большой и важной работы участников тайных обществ по выработке программы движения России в будущее, а представляет их группой взбалмошных аристократов-интеллигентов, вздумавших в шальном опьянении от шампанского навредить правительству.

Между тем еще М. Хуциев в советское время намеревался снять фильм о декабристах на Одесской киностудии, но отступил, столкнувшись с неразрешимой проблемой: где взять столько породистых, вдохновенных, умных особенных лиц, олицетворявших ту эпоху, совместимых с обликом Пушкина, Рылеева, Жуковского, Пестеля, Раевского и т.д.⁶ Ведь Ю.М. Лотман говорил о декабристах как социально-историческом типе человека, который существовал в России недолго, с 1812 по 1825 г., и показал, что своей жизнедеятельностью они творили особую культуру – высокую культуру героического служения как искренне переживаемого чувства долга и действия исторического масштаба, «добровольного жертвоприношения на алтарь Отечества»: «Умрем, братцы, ах, как славно умрем!» – восклицал А. Одоевский, выходя 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь⁷.

Другим скорбным примером антинаучной и поверхностной, но широко транслируемой характеристикой декабристов является их причисление к агентам иностранного влияния в речи министра юстиции К. Чуйченко на XIII Санкт-Петербургском международном юридическом форуме в мае 2025 г. и оценка их поведения как «недостойного быть отнесенным к рангу чести и благородства»⁸.

Очевидно, что декабризм остается одной из узловых тем, вызывающих научный и общественный интерес.

Какой вклад в декабристоведение вносит новая книга? В обстоятельно написанном предисловии Н.П. Матханова определяет цель издания как попытку представить историю декабристоведения «не только как историю идей и трудов, но и историю людей», имея

³ Бокова В.М. Предисловие // Декабристы и их время. Труды Гос. исторического музея. М., 1995. Вып. 88. С. 5–14.

⁴ Ильин П.В. Декабристоведческая научная традиция... С. 152.

⁵ «Союз Спасения» – большая подлость против зрителей // Научный разбор фильма. Канал «Культура Достоинства».

⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Цикл лекций. Декабристы. Ч. 1. [Видеозапись] (1987).

⁷ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). СПб., 2008. С. 228.

⁸ «Ничего не нашел положительного». Министр юстиции Чуйченко раскритиковал декабристов [Электронный ресурс] // Фонтанка.ru. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/05/19/75476165/> (дата обращения: 09.07.2025).

в виду историографию как интеллектуальную историю (с. 5)⁹. В центре внимания – эго-документы историков, переписка признанного корифея декабристоведения и исторической науки академика Милицы Васильевны Нечкиной (1899–1985) и Семена Федоровича Ковалёва (1923–2005) – декабристоведа, педагога, общественного деятеля, одного из создателей Иркутского музея декабристов.

«Авторы писем различны по своему возрасту, социально-профессиональному статусу, опыту, месту и в формальной, и в неформальной иерархии внутри научного сообщества» (с. 6). С.Ф. Коваль – один из более чем 170 с лишним корреспондентов М.В. Нечкиной, известных и именитых историков. На отдельные письма из переписки М.В. Нечкиной и С.Ф. Ковалёва Н.П. Матханова обратила внимание ранее и опубликовала их, в том числе в соавторстве с А.В. Мельниковым¹⁰.

Между тем большое количество интереснейших писем, как отмечает она, осталось неопубликованным и даже не введенным в научный оборот (с. 5). В новой книге Н.П. Матханова, обладающая огромным опытом в декабристоведении, концептуализирует изучение эпистолярной из личного фонда М.В. Нечкиной, относящихся к многолетней переписке с С.Ф. Ковалёвым, доказательно развивая идею о том, что, как всякий эго-документ, письма много говорят об авторах, их характерах и взглядах, поэтому являются ценным историографическим источником для изучения истории декабристоведения, историографического быта, интеллектуальных биографий ученых (с. 14).

В настоящем издании опубликованы и научно прокомментированы хранящиеся в Архиве Российской академии наук и Государственном архиве Иркутской области 124 послания (письма, поздравительные открытки, телеграммы) за 1974–1985 гг., где обсуждаются общие проблемы декабристоведения и археографии в связи с изданием документальной серии «Полярная звезда», главным редактором которой вплоть до своей кончины была М.В. Нечкина, а инициатором и душой проекта – С.Ф. Коваль (с. 6). Переписка ценна и интересна, поскольку история серии «Полярная звезда» – «ее возникновения в 1979 г., продолжения, возобновления в 1999 г., связанных с этим научных и человеческих проблемах» – до сих пор не написана¹¹.

Таким образом, процесс научного общения создателей документальной серии «Полярная звезда» актуализируется как существенно значимый сюжет декабристоведения. Это знаменует целенаправленное использование, помимо номотетического генерализующего подхода к объекту исследования, выраженного в стремлении установить закономерности развития науки, – идеографического подхода, когда объектом научной рефлексии становится духовный мир ученого, его личностные ценности, обстоятельства и механизмы интеллектуальной деятельности.

Методологически Н.П. Матханова следует стилю самой М.В. Нечкиной, новаторскому для своего времени. Сутью подхода М.В. Нечкиной к историографическому исследованию стал анализ методологии и концепций исторических трудов в тесной связи с личностью их автора, в чем сказалось возникшее у нее еще в юности амбициозное желание вывести знание об обществе на новый уровень. Находясь под впечатлением трудов Р.Ю. Виппера, открывших для нее философскую традицию Д. Юма, Дж. Беркли, Э. Маха, Р. Авенариуса, а также новейших достижений науки, она полагала, что необходимо обратить особое внимание на познающего субъекта, его психологию и восприятие реальности¹².

⁹ Ссылки на страницы монографии даются в тексте в скобках.

¹⁰ Матханова Н.П., Мельников А.В. «...Благодарное дело, нужное, интересное, имя которому “Полярная звезда”»: Письма С.Ф. Ковалёва М.В. Нечкиной о создании серии «Полярная звезда» // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Иркутск, 2023. Вып. 7. С. 7–30; Матханова Н.П. «...Надо сразу взять надлежащий тон высокого научного стиля издания по линии текстологии»: Письма академика М.В. Нечкиной к иркутскому декабристоведу С.Ф. Ковалёву (1974–1980 гг.) // Отечественные архивы. 2024. № 4. С. 90–100.

¹¹ Матханова Н.П. Из опыта работы в серии «Полярная звезда» // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 1 (2). С. 201.

¹² Тихонов В.В. Тоска по методу: М.В. Нечкина и ее первая монография «Русская история в освещении экономического материализма» // Magistra Vitae. 2018. № 1. С. 199–212.

Неудивительно, что у М.В. Нечкиной, человека «серебряного века», занятия наукой тесно переплетались с поэзией и искусством, и все разнообразные формы ее творчества спаяны одной темой – человек. Антропологический вектор методологических поисков М.В. Нечкиной вписывался в общий культурный и научный контекст модернистской эпохи первой трети XX в., для которой свойственно новое «открытие» человеческой личности и признание того, что содержание научного знания во многом определяется личностью ученого-творца.

При этом именно М.В. Нечкина выдвинула требование при изучении личности историка обязательно изучать его архивы, документы личного характера, творческую лабораторию, вплоть до его чувств, личных привязанностей, особенностей психологического склада и т.д., чем значительно расширила и обогатила представления о научном творчестве¹³. Подобный подход, развиваемый сегодня в трудах многих историков, согласуется с мыслью Л.П. Репиной о том, что «условием диалога с прошлым становится внутренний диалог историка и диалог в сообществе историков»¹⁴.

Переписка – огромный слой письменной культуры, исчезнувшей на наших глазах. Обращение к нему имеет большую ценность для социогуманитарных исследований. Письма М.В. Нечкиной и С.Ф. Ковалю впервые публикуются полностью. Почти все они – подлинные автографы. Это деловые, но неофициальные письма, частные, хотя и неличные (с. 14). Документальная серия «Полярная звезда» является их основным предметом.

«Полярная звезда» – многотомная книжная серия научного, мемуарного, эпистолярного и литературного наследия декабристов, издается в Иркутске с 1979 г. Восточно-Сибирским книжным издательством, а с 1999 г. – Иркутским областным историко-мемориальным музеем декабристов. Замысел издания серии возник у ученых-историков в 1975 г., когда в СССР широко отмечалось 150-летие восстания декабристов. Академики М.В. Нечкина, И.Д. Ковальченко и проф. В.А. Федоров в разные годы возглавляли редакционную коллегию серии. Свое название серия получила от названия сборника А.А. Бестужева-Марлинского и К.Ф. Рыльева, вышедшего незадолго до восстания декабристов в 1822–1825 гг.

Серия выстроена по персональному признаку и носит научный и строго документальный характер. Все издаваемые материалы выверяются по подлинникам или ранним публикациям. Каждый том предваряется обстоятельной вступительной статьей, в которой характеризуется жизнь и деятельность самого декабриста, а также его наследие. Публикуемые документы располагаются в хронологической последовательности. Книги серии оформлены иркутским художником А.М. Муравьевым. Серия хорошо иллюстрирована.

В настоящее время в серии издано 27 томов. В них опубликованы материалы из наследия декабристов: М.А. Фонвизина (1979, т. 1; 1982, т. 2); В.Ф. Раевского (1980, т. 1; 1983, т. 2); С.П. Трубецкого (1983, т. 1); А.Е. Розена (1984); Н.И. Лорера (1984); М.А. Назимова (1985); В.И. Штейнгейля (1986, т. 1; 1992, т. 2); А.Ф. Бригена (1986); А.Н. Муравьева (1986); С.П. Трубецкого (1987); Н.В. Басаргина (1988); М.С. Лунина (1988); Г.С. Батенькова (1989, т. 1); А.В. Поджио (1989); С.Г. Волконского (1991); П.А. Мухина (1991); И.Д. Якушкина (1993); А.М. Муравьева (1999); Н.М. Муравьева (2000, т. 1); П.Н. Свистунова (2002, т. 1); Н.А. Бестужева (2003); В.Л. Давыдова (2004); П.С. Бобрищева-Пушкина (2007); А.З. Муравьева (2010). Планируется издать серию в объеме не менее 60 томов¹⁵.

Прежде всего, письма дают возможность уточнить, как и когда произошло превращение идеи издания документов по истории декабристов в Сибири в конкретный проект серии «Полярная звезда», и позволяют утверждать неверность распространенного мнения, что его публикация начата по инициативе М.В. Нечкиной (с. 11). Существенными предпосылками, обусловившими рождение такого грандиозного проекта, служили: издание сбор-

¹³ Вандалковская М.Г. История исторической науки в творчестве Милицы Васильевны Нечкиной // История и историки. Историографический вестник. 2001. М., 2001. С. 8.

¹⁴ Репина Л.П. Память и наследие в «крестовом походе» против истории или рождение «мемориальной парадигмы» // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 13.

¹⁵ Казанцева Л.А. Мемуарное и эпистолярное наследие декабристов // Научная книга. 2004. № 2. С. 29; Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 650.

ника «Памяти декабристов» и трехтомника «Декабристы в Сибири», успешное проведение в Иркутске в 1975 г. большой юбилейной конференции, рекомендовавшей создать в Иркутском университете проблемный совет «Декабристы и Сибирь». Из обмена мнениями на этих научных форумах (по версии С.Ф. Коваля – на одном из первых заседаний совета, по версии С.В. Житомирской – в кулуарах конференции) договорились о совместной иркутско-московской редколлегии издания (с. 10–11).

Из переписки С.Ф. Коваля и М.В. Нечкиной в марте 1977 г. известно о наличии уже к этому времени подробного плана изданий в течение 10 лет источников и монографий (с. 54), конкретной работы над томами. «Ваша энергия изумительна, – пишет С.Ф. Ковалю Милица Васильевна, – и то, что Вам удалось сделать, – замечательно. Если это реализуется, Сибирь поставит настоящий памятник декабристам» (с. 56).

Письма проясняют также и то, что сама М.В. Нечкина первоначально усиленно отказывается от предложения С.Ф. Коваля быть главным редактором серии «Полярная звезда». «Согласиться – это значит всю, уже совсем малую долю годов, которые могут быть активными (если эта доля еще есть!), отдать Вам, невозможно. У меня свои планы... да и вообще, на мой взгляд, я призвана не редактировать, а писать.... Если же Вы думаете о пассивной роли практического “возглавителя”, дающего делу лишь свое имя и академический “титул”, то я для такой роли не рождена и никакого интереса к ней не питаю», – пишет она С.Ф. Ковалю (с. 56). Милица Васильевна сетует на большую загруженность, невозможность выездов в Иркутск, невозможность чтения массивных рукописей и сравнивает тяжесть обязанностей главного редакторства серии с «рухнувшей на нее скалой» (с. 73).

И все же С.Ф. Коваль убеждает М.В. Нечкину в том, что у истоков такого большого издания должен стоять всеми признанный, уважаемый и любимый авторитет, что ей всего лишь нужно быть в курсе дела и направлять работу редакционной коллегии, полагаясь на своих заместителей, и, может быть, лишь вводные статьи потребуют ее внимания (с. 59): «Ваше имя играет ту важную в таких делах роль, которая мобилизует, повышает ответственность, организует как раз тех, кто уверен, что не осрамится перед Вашим именем» (60).

Страх перед возможным снижением уровня издания в будущем, если не объединить квалифицированные силы, заставляет С.Ф. Коваля настойчиво добиваться согласия маститого академика, обладавшего огромным авторитетом, опытом и умением организовывать коллективные формы научной деятельности (с. 64). Сам Семен Федорович не мог возглавлять дело по соображениям внутрицеховой иерархии: участник Великой Отечественной войны, он не имел ученой степени и не стремился к ней, считая, что «степени уже не для него, не время!» (с. 70), целиком отдаваясь практическому делу, и к началу переписки у него уже имелся определенный опыт подготовки к изданию декабристских текстов (с. 9), и его статьи, как отмечает М.В. Нечкина, «очень хороши» (с. 181).

Большой интерес вызывает обсуждение в письмах вопроса о практической организации работы редколлегии. Мы узнаём, что это был поистине героический труд, дополнительная общественная работа. Первым главным редактором серии была М.В. Нечкина. Редколлегия состояла из двух частей – московской и иркутской. Московскую часть возглавляла С.В. Житомирская, по словам С.Ф. Коваля, «сплав научной, в особенности публикаторской, и организаторской опытности» (с. 69), Иркутскую часть – сам С.Ф. Коваль, активный организатор науки: во многом его усилиями был создан проблемный совет «Декабристы и Сибирь» при Иркутском государственном университете, Музей декабристов в Иркутске, проведено несколько крупных конференций по проблемам декабризма. Создание и издание документальной серии «Полярная звезда» стало главным делом его жизни (с. 10). По завершении составления тома, к каждому из которых назначался ответственный редактор из членов редколлегии или приглашенных ученых, главы редколлегий организовывали рецензирование и составляли для М.В. Нечкиной доклад о степени готовности рукописи для передачи в издательство.

Переписка раскрывает механизм действия уникальной команды, делая зримыми сокровищные недра «Медной горы» – научно-творческой лаборатории, в которой возникают

сверкающие огранкой драгоценные изделия – тома серии «Полярная звезда». По содержанию писем можно судить, как формировался корпус составителей, взаимодействовали члены редколлегии, вырабатывались и эволюционировали принципы работы над томами (с. 16). Первые месяцы деятельность двойной редколлегии породила немало недоразумений и споров, что неизбежно в таком новом, сложном и ответственном деле. М.В. Нечкина резонно сомневается, реально ли «ритмично и осмысленно функционировать на тысячеверстных расстояниях» (с. 88). С.Ф. Коваль пишет о «некотором разброде, несогласованности действий отдельных членов редакции в подборе составителей томов», из-за чего он «взял на себя смелость и самым решительным образом пресек эту тенденцию», но тем не менее просит огорченную известиями о «ссорах» и «столкновениях» Нечкину выступить арбитром и собрать совещание для выработки единой линии поведения глав редакции (с. 86, 88).

В свою очередь Милица Васильевна признается, что не завидует его положению, «зная, как трудно общаться с двумя ужасными дамами» (с. 160) и что сама она «провела в работе над материалом много трудных дней, отчасти осложненных характером составительниц» (с. 171). Но если Семену Федоровичу и не всегда дается особая деликатность в отношениях с некоторыми соратницами из-за их «большого самомнения» и «диктаторских замашек» (с. 166), то все же он находит способ «своевременно и прямо, открыто и честно исправлять» ситуацию без ущерба для дела и личных отношений (с. 95).

Большое впечатление на сегодняшнего читателя произведут места в переписке, указывающие на то, как нелегко было вести практическую научную работу в дисперсном коллективе без компьютеров, электронной почты, Интернета, посредством лишь авторучки, пишущей машинки, писем, бандеролей и посылок. «Зачеркните, пожалуйста, строки со слов внизу 6-й стр[аницы] “Впечатления сибиряков”, кончая словами на 7-й странице: “длительность их”. Вместо зачеркнутого напишите, пожалуйста, две фразы, написанные мною на отдельном листке (вложен)», – пишет М.В. Нечкина С.Ф. Ковалю (с. 65). Сегодня эта правка заняла бы две секунды, в то время письмо шло две недели.

Или другой пример из письма М.В. Нечкиной: «Завтра высылаю Вам рукопись “моего тома”. Бандеролью послать невозможно – это выйдет по теперешним правилам чуть ли не восемь бандеролей, которые могут попасть к Вам разновременно и спутать порядок чтения. Мы решили послать ценной посылкой, что, может быть, замедлит получение, но зато не разрознит страниц» (с. 143). Как вспоминала С.В. Житомирская, «работа наша была организована довольно сложно»: «Понятно, что весь цикл подготовки занимал очень много времени. Тем не менее дело шло бойко и выходило, особенно в первые годы, по два тома в год»¹⁶. Приоритетной задачей М.В. Нечкина считала обеспечение высокого научно-теоретического уровня серии «Полярная звезда»: «Надо сразу взять надлежащий тон высокого научного стиля издания по линии текстологии..., проводить поиски подлинника и с этого начинать введение к тому, <...> очень важна в нашем издании аутентичность текста, <...> исследовательский характер предисловий» (с. 82, 164).

Очевидно, что проект осуществлялся в идеологических рамках советского декабристоведения. Принято считать, что М.В. Нечкина (в отличие от Ю.Г. Оксмана, М.К. Азадовского, Ю.М. Лотмана) олицетворяла его «официальное направление», признававшее марксистскую парадигму «дворянской революционности» и другие концептуальные основы советской историографии с приоритетным интересом к наиболее радикальным идеям декабристов и их априорно позитивной оценкой¹⁷. Она прямо говорит, что «стала на т[очку] зр[ения] ленинской концепции» (с. 110)¹⁸. Тем примечательнее эпистолярные свидетельства глубоких воззрений М.В. Нечкиной и С.Ф. Ковалья на задачи проекта «Полярная звезда», выходящие далеко за пределы «прокрустова ложа» парадигмы декабризма как первого этапа революционного движения, классической для советской историографии.

¹⁶ Житомирская С.В. Просто жизнь. М., 2006. С. 382.

¹⁷ Ильин П.В. Декабристоведческая научная традиция... С. 148.

¹⁸ Нечкина М.В. Декабристы. М., 1982. С. 5–7.

Обращают на себя внимание требования к расширению тематики изданий, приданию комплексного характера всему начинанию. «Основной опасностью (на мой взгляд), – пишет М.В. Нечкина, – которая неминуемо грозит... Вашей “Полярной Звезде”, является самоограничение ее лишь темой “Декабристы в Сибири”... Иначе все декабристы станут какими-то одноликими “государственными преступниками вообще”, причины, почему они попали в Сибирь... тут не будет, задавит проблему тюремный быт... Надо знать, за что попал декабрист в Сибирь, какую идеологию туда принес, какую роль ранее играл, какие связи были <...> Издание будет тем ценнее, чем шире поймет свою тему “Сибирь и декабристы”. <...> Ведь она всегда понималась как-то узко, чересчур уж “местно”, краеведчески» (с. 62, 82, 166). Она пишет о многогранности и многоаспектности темы (с. 147), призывает рассматривать движение на всем его протяжении 1816–1826 гг. (с. 110), «дать богатое представление о “досибирском”, революционном периоде жизни декабристов, слить – крепко связать оба периода» (с. 164), всесторонне изучать «яркие свидетельства напряженной творческой мысли декабристов» (с. 118), идеологию движения (с. 164).

С.Ф. Коваль, формулируя «сокровенные» для него цели проекта «Полярная звезда», помещает источниковедческие изыскания в широкий общественно-политический контекст, позволяющий «внести существенные коррективы... во многие другие проблемы освободительного движения и общественно-политической мысли первой половины XIX века» (с. 69). Его монография о В.Ф. Раевском (1951) стала «одной из первых попыток в историографии превращения темы о декабристах из сугубо краеведческой в общероссийскую общественно-политическую и культурную проблему»¹⁹. Исследовательская оптика настраивается на всесторонний анализ персональных историй декабризма. «Каждый том должен дать как можно более полное представление о личности, которой он посвящен, а через нее и о движении в целом, о развитии мысли и практики», – пишет С.Ф. Коваль (с. 68–69).

М.В. Нечкина не только обстоятельно курирует процесс выявления новых документов в местах жизнедеятельности декабристов – архивах Москвы, Ленинграда, Украины, Сибири (с. 77, 94, 102), но и ставит вопрос о методике использования источников для решения исследовательских задач: «Сложный вопрос, часто трудно анализируемый, – спор о том, как и для кого говорил декабрист о своем мировоззрении, после или до восстания, кто собеседник, может быть, он не успел записать сразу и положился на память, и кому он и что сказал» (с. 181). Кроме того, М.В. Нечкина предлагает расширить источниковедческий формат серии и запланировать в плане-проспекте неперiodические сборники исследовательских статей (с. 82), что свидетельствовало о проработке идеи издания наследия не только декабристов, но и декабристоведов (с. 15–16). По сути, формировались пути декабристоведа на многие десятилетия вперед.

С заявленных позиций корреспондентами строго оценивается качество подготовленных статей. У одних авторов М.В. Нечкина обнаруживает «произвольную и хаотичную трактовку эволюции декабризма» (с. 142), «путанность и растянутость» (с. 127). Других С.Ф. Коваль критикует за «отсутствие серьезной попытки определить пути эволюции взглядов», «слишком осторожные и неопределенные высказывания» (с. 96), отказывается «рекомендовать в печать такой винегрет» (с. 162), просит «отразить историографию проблем, выразить отношение к другим концепциям» (с. 145). Приходится «подтягивать авторов до высокого уровня» (с. 114). Высказываются опасения о «недостатке в очередном томе проблемных статей, без чего последний пойти в производство не может» (с. 97, 115).

Развитый эстетический вкус и большой публикаторский опыт М.В. Нечкиной сказываются в тонких замечаниях о художественном оформлении серии «Полярная звезда»: «Общего единого трафарета не надо, пусть каждый том будет в какой-то мере “с лица необщим выраженьем”. <...> Друзья мои! Где же ясно выраженное название серии “Полярная Звезда”?! Вы узнаете об ее существовании лишь из наименования “редколлегии”! Так не делается! Нужен бы заголовок с ее именем на титуле. <...> Теперь о переплете.

¹⁹ Туманик Е.Н. Семен Федорович Коваль – очерк к образу ученого-декабристоведа // Историческая школа Иркутского государственного университета: традиции и современность. Иркутск, 2023. Вып. 1. С. 100.

Из присланных томов мне милее всего темно-коричневый с цветным медальоном... Но я решительно против рельефного медальона... И серебро и позолота всегда в войне с барельефом – это давно известно из истории искусств... серебро, и золото ликуют, кричат, они веселые, богатые, яркие, а барельеф – скульптура, требует иного, более возвышенного внутреннего настроения, подобного тому, которое вызывает музыка!» (с. 151, 152, 163). Так и издано! Обложка выполнена в благородных коричневом и зеленом цветах с золотой шпайгой на корешке и цветным медальоном на лицевой стороне – старинным цветным портретом декабриста в овальной рамке. Именно М.В. Нечкина предлагает издавать тома с ясным названием и без номеров, ведь, «покупая первый том, читатель, естественно, не должен думать, что ему чего-то не хватает» (с. 154).

За период переписки М.В. Нечкиной и С.Ф. Ковалю в течение десятилетия 1974–1985 гг. опубликованы восемь томов материалов из наследия декабристов М.А. Фонвизина (1979, т. 1; 1982, т. 2), В.Ф. Раевского (1980, т. 1; 1983, т. 2), С.П. Трубецкого (1983, т. 1), А.Е. Розена (1984), Н.И. Лорера (1984), М.А. Назимова (1985); готовились к печати еще три – В.И. Штейнгейля (1986, т. 1), А.Ф. Бригена (1986), А.Н. Муравьева (1986).

Н.П. Матханова отмечает, что, «несмотря на размах и грандиозность замысла и даже казавшуюся утопичность проекта» (с. 133), большая часть включенного в план была осуществлена, «хотя и за более длительный срок, не всегда в задуманном составе и именно этими людьми» (с. 15). «Я работаю непрерывно – работы прямо по горло. Но так лучше всего», – напишет М.В. Нечкина накануне выхода в свет первенца «Полярной звезды» (с. 144), С.Ф. Коваль «трудится неимоверно» (с. 159).

Стоит особенно отметить, что хотя к проекту были привлечены лучшие декабристovedы страны, издавалась серия в провинциальном Восточно-Сибирском книжном издательстве в Иркутске с неважным уровнем полиграфии (с. 149). Тем не менее выразительным показателем качества проделанной работы, а также следствием поддержки проекта Институтом истории АН СССР и Сибирским отделением АН СССР явилось повышение в ноябре 1978 г. номинала книг серии до уровня академических изданий (с. 116). А Иркутск превратился в признанный декабристovedческий центр, что было обусловлено как созданием музея, так и появлением изданий по истории движения декабристов, постепенно приобретающих все большие авторитет и популярность (с. 17).

Переписка убеждает в том, что эвристический потенциал книжной серии «Полярная звезда» простирается за рамки исключительно декабристovedения. Фактически он призван глубоко фундировать одну из важнейших проблем историографии российской истории – как власть и общество осознавали и реагировали на проявления кризиса самодержавно-крепостнической системы в первой четверти XIX в.? После краткого периода «непросвещенного абсолютизма» Павла I наступила «александровская» четверть века. Россия впервые достигает статуса сверхдержавы и претендует на мировое (т.е. всеевропейское в тех условиях) лидерство. Но в новом XIX столетии обнаружатся опасные последствия екатерининской перестройки: во-первых, усиление политической роли дворянства надолго задержит отмену крепостного права, высшая власть будет мечтать об освобождении крестьян, но не решится это сделать из-за страха перед помещиками. Второй побочный эффект окажется для самодержавия еще тревожней. Когда Екатерина II предоставила части подданных вольность (возможность не служить и набор личных прав), поколебались два коренных принципа государственной системы. Впервые со времен Ивана III в стране возникла численно небольшая, но влиятельная прослойка, которая могла уже не считать себя слугами государства и от рождения обладала неотъемлемыми правами. Это сулило абсолютизму большие проблемы. В русской политической жизни появляется новый фактор – общество, и оно будет идеологически враждебно основополагающим принципам самодержавно-крепостнической государственности.

Власть в лице Александра I колебалась между двумя типами правления – либеральным и государственно-чиновническим. По сравнению со своими предками Александр I, получивший официозное прозвание «Благословенный», был уникальным царем. Благодаря заботам Екате-

рины II и наставничеству швейцарского юриста, сторонника просветительских идей XVIII в. Ф.С. Лагарпа, он был хорошо образован, воспитан в духе просвещенного абсолютизма как искренний противник деспотизма во всех его проявлениях. Он великодушен, чувствителен, добр, скромен в быту, любезен с окружающими, стараясь, подобно бабке, никого не унижить и не оскорбить. В стране, где по причине всеобщего бесправия было очень ослаблено представление о личном достоинстве, уважительность и даже простая вежливость царя в обращении с подданными имели огромное, без преувеличения, историческое значение, так как двор и общество стремились подражать образцам поведения первого лица. Утверждалось чувство собственного достоинства – высшее завоевание человеческой эволюции. В такой обстановке формировались души и мировоззрение будущих декабристов.

Блестящие реформы Александра I в области образования, меры в области торговли и промышленности были своевременны и результативны. Указ «О вольных хлебопашцах» (1803 г.) и дарование личной свободы крестьянам в Эстляндии, Курляндии, Лифляндии (1816–1819 гг.) хотя и не решили проблему крепостного права, но утвердили мысль о возможности освобождения крестьян с землей за выкуп и получения личной свободы немедленно и бесплатно, что станет идейной основой крестьянской реформы 1861 г. Конституция, дарованная Польше в 1815 г., была одной из самых прогрессивных в Европе.

В дальнейшем высокие идеалы юности царя не выдержали испытания реальностью и он отказался от реформаторства. Декабристы как наиболее передовые представители подерживавшего Александра I дворянства, свидетели наполеоновских войн и тектонических сдвигов в социально-политической, экономической и культурной жизни европейских стран, остро осознавали необходимость преобразования самодержавно-крепостнических устоев Российской империи.

Однако, как видит это, например, А. Ахиезер, и правительственный либерализм незаурядного монарха Александра I, настроенного на реформы, и независимый жертвенный либерализм декабристов оказались несостоятельными как конструктивное начало. Ни правительственные меры сверху, ни крайние меры декабристов не реализовались по одной и той же причине – глубокий социокультурный раскол общества и слабость почвенных истоков либерализма, социальных интеграторов (городов, промышленности, образования, просвещения), слабость срединной культуры и взаимопонимания народа и элиты. Та же проблема будет у народников. Захват власти или убийство тирана-царя считались автоматической гарантией успеха революционных перемен в стране. Но народ, замкнутый в деревенских архаичных мирах, все исходящее извне – государство, чиновников, рынок, законы, право, суд, книги, искусство – считал чуждым своим понятным вековым традиционным ценностям, не доверял и отторгал все господское. Поэтому все реформы повисали в воздухе, не находя своей широкой социальной опоры в толще темного бесправного населения²⁰.

Таким образом, проект «Полярная звезда» предстает важной частью историографического ресурса дискутирования причин, по которым Россия упустила в первой четверти XIX в. исторический шанс модернизационного рывка. Серия оказала влияние на развитие исторических исследований в целом: вступительные статьи в ряде случаев представляют собой важный вклад в науку, внушительную роль сыграла она в источниковедческой, археографической, эдиционной областях²¹.

Ощущая огромность декабристского сюжета для российской истории и заботясь о формировании исторического сознания и исторической культуры (с. 7), М.В. Нечкина высказывает проницательные наблюдения о восприятии книжной серии «Полярная звезда» читательской аудиторией. Она считает, что прошло время «унылого трафарета» (с. 167), «привычного и удобного «однообразия в структуре каждого тома» и разъяснения основного смысла мемуарного текста» (с. 163). Произошло «исчезновение «массового читателя» и замена его массой образованных читателей, группирующихся по своим интересам» (с. 167).

²⁰ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997. Т. 1. С. 207–208.

²¹ Матханова Н.П. Из опыта работы в серии «Полярная звезда»... С. 200.

Этот «уже совсем другой читатель рвется к первоисточнику, знает его цену и вкус, хочет составить свое мнение, пережить радость научного сотворчества, сам поразмыслить над текстом, иной раз и поспорить» (с. 163–164).

И Нечкина права. Интерес в обществе к серии возрастает по мере осуществления проекта: «Запросы на сборники идут со всех концов страны», – с радостью отмечает она (с. 30) и спрашивает иркутских коллег: «Как будет Сибирь наделять экземплярами своих изданий европейскую часть СССР? Сейчас все рвутся приобрести Вл. Раевского» (с. 171).

Действительно, советская реальность представляла собой один из вариантов модернизирующегося индустриального урбанистического общества. В 1962 г. городское население в СССР по численности превысило сельское, завершился переход ко всеобщему обязательному восьмилетнему образованию. Советское общество перестало быть идейно-политически монолитным. В годы хрущевской «оттепели» власть создала рамки пространства свободы, не исчезнувшей полностью в более консервативный брежневский период. 1950–1970-е гг. были временем культурного расцвета²². Поскольку советский человек был встроен в индустриальную машину, которая требовала, чтобы он был просвещен, в итоге получился человек читающий, обсуждающий новинки книг и толстых журналов. Как вспоминала А.А. Баранович-Поливанова об интересе к печатному слову, «с середины 60-х <...> что-то совсем непонятное, прямо-таки мистическое, стало происходить с книгами. Вдруг повально все стали книголюбями..., а иногда сериюлюбями»²³.

За фасадом заметно ослабевшей официальной коммунистической догматики духовные потребности советских людей диверсифицировались, развивалось разномыслие. Довольно широкие слои населения – интеллектуалы, инженеры, рабочие – начинали мыслить самостоятельно, обсуждать общественные проблемы, многие в стремлении понять природу социализма изучали в подлинниках произведения классиков марксизма-ленинизма, различные философские системы. Намечались неформальные идейные течения – реформизм, включая либералов и демократов, национал-консерватизм, почвенничество, диссидентство²⁴. В этом социально-культурном контексте издание наследия декабристов строго научного и документального характера не могло не быть широко востребовано. Особенно нуждались в первоисточниках для работы в спецсеминарах студенты исторических специальностей, на что указывает М.В. Нечкина (с. 30).

Очень важны письма для понимания личных качеств академика М.В. Нечкиной и лидера сибирских декабристоведов С.Ф. Коваля. Чтение переписки подтверждает вывод Н.П. Матхановой о том, что им были присущи «важные для совместной работы общие качества: искренний интерес к декабристоведению, эмоциональное, даже страстное отношение к теме и героям своих изысканий, предельная честность и требовательность» (с. 10). В этом тандеме Нечкина задает присущую ей «высокую планку научного творчества»²⁵. Но именно Коваль увлекает, уговаривает московскую небожительницу возглавить проект и, как рачительный хозяин, держит в крепких стожильных руках его громаду. Во многом благодаря его усилиям атмосферу работы над серией отличают «взаимопомощь, поддержка, коллективный подход»²⁶.

Письма С.Ф. Коваля всегда крайне подробно излагают текущую ситуацию, при этом от них веет необыкновенной теплотой и сердечностью, с огромным пиететом относится он к выдающейся коллеге. Милица Васильевна поначалу более суха и строга, ее письма, как и всегда, «отличаются лаконичностью и деловым стилем – на первом месте всепоглощающая работа»²⁷, но затем она, по-видимому, проникается к своему иркутскому адресанту искренней симпатией, «скушает» по его письмам (с. 102), и тон ее становится мягче и заботливей.

²² Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008. С. 156.

²³ Баранович-Поливанова А.А. Оглядываясь назад. Томск, 2001. С. 170.

²⁴ Шубин А.В. Диссиденты, неформалы... С. 149.

²⁵ Корзун В.П., Сидорова Л.А. Новые краски к портрету Милицы Васильевны Нечкиной // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2023. Вып. 83. С. 355.

²⁶ Туманик Е.Н. Семен Федорович Коваль... С. 84.

²⁷ Корзун В.П., Сидорова Л.А. Новые краски к портрету... С. 355.

Наблюдение за этой метаморфозой в эпистолярном общении двух неустанных тружеников, ученых-подвижников, оставляет отрадное впечатление.

Ученые взаимно высоко ценят вклад друг друга. «Чувствую, как огромен здесь Ваш труд – как научный, так и организационный <...>. Вы – душа издания», – пишет М.В. Нечкина (с. 84, 108). «Без Вас не будет и “Полярной Звезды”», – уверяет Коваль (с. 93). Это не означало, что не было столкновения научных позиций. В письме от 29 октября 1980 г. С.Ф. Коваль критикует название вступительной статьи ко второму тому сочинений Фонвизина «От Союза благоденствия к “Русскому социализму” (Идейный путь декабриста М.А. Фонвизина)», считая, что такое название означает «смещение организационных и мировоззренческих проблем» (с. 161). М.В. Нечкина ему горячо возражает: «Что Вы! Да с каких это пор Союз Благоденствия – только “организационное понятие”?!», – и утверждает, что избранный авторами заголовок полон смысла, образен и хорошо понимается (с. 164).

Подчеркивая значимость личностного фактора в научной жизни, Н.П. Матханова обращает внимание на обсуждение статьи В.П. Павловой на заседаниях московской и иркутской частей редколлегии в апреле-июле 1982 г. (с. 16–17). В литературе встречаются упреки в адрес В.П. Павловой за то, что она «непоследовательна в своем стремлении во что бы то ни стало оправдать С.П. Трубецкого, традиционно обвиняемого в предательстве». Из протоколов редколлегии ясно, что В.П. Павловой пришлось пойти на компромисс и отказаться от решительного оправдания своего героя, уступая требованиям московской части редколлегии, особенно М.В. Нечкиной. При обсуждении концепции В.П. Павловой произошло открытое выступление поддержавшего ее С.Ф. Ковалю и большинства иркутской части редколлегии против академика Нечкиной, которая заявила: «Автор имеет право на свою точку зрения, но я как редактор не могу ее принять и поддержать своим именем» (с. 214). Было высказано и принято смелое предложение С.Ф. Ковалю: «Если главный редактор серии М.В. Нечкина найдет необходимым высказать свою точку зрения, она может воспользоваться правом выступить с послесловием к тому» (с. 221). Этот возможно беспрецедентный случай противления высшему научному авторитету выглядит актом академической свободы и весьма показательно характеризует представления участников заседания о принципах научной этики.

Ценным дополнением к публикуемым письмам в книге служат приложения, содержащие шесть протоколов заседаний московской и иркутской частей редколлегии. Они позволяют выяснить, почему тома были опубликованы в таком виде и в такой последовательности, какие авторы и идеи остались за пределами серии (с. 16). В совокупности переписка и протоколы воспроизводят тот «внутренний диалог в сообществе историков», на который указывала Л.П. Репина.

Высокий научный уровень издания поддержан обширным научно-справочным аппаратом: предисловие, приложения, именной указатель, комментарии. Последние заслуживают особенного внимания декабристоведов благодаря своей исчерпывающей информативности, свидетельствующей о чрезвычайной эрудиции и компетентности автора. Новая историко-археографическая работа отличается высокой эдичионной культурой. Текстологическая подготовка писем к публикации основана на принципах максимальной репрезентации аутентичности текста вплоть до самых незначительных помет.

Таким образом, перед нами великолепное научно-исследовательское произведение, конкретизирующее процесс создания серии «Полярная звезда». Достижения отечественного декабристоведения соотнесены с человеческим миром страстной увлеченности, интеллектуального напряжения, эмпатического чувствования. Без сомнения, книга украсит библиографию декабризма и послужит профессионально изданным источником мысли для дальнейшего развития исторической науки, антропологии академической жизни, интеллектуальной истории, истории памяти, гендерной истории, прогрессивного общественно-политического дискурса.

Литература

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России) / вступит. ст. С.Я. Матвеевой. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.

Баранович-Поливанова А.А. Оглядываясь назад. Томск: Водолей, 2001. 192 с.

Бокова В.М. Предисловие // Декабристы и их время. Труды Гос. исторического музея. М., 1995. Вып. 88. С. 5–14.

Вандалковская М.Г. История исторической науки в творчестве Милицы Васильевны Нечкиной // История и историки. Историографический вестник. 2001. М.: Наука, 2001. С. 3–11.

Житомирская С.В. Просто жизнь. М.: РОССПЭН, 2006. 600 с.

Ильин П.В. Декабристоведческая научная традиция: актуальные задачи изучения в прошлом и настоящем // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 146–155.

Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2. 807 с.

Казанцева Л.А. Мемуарное и эпистолярное наследие декабристов // Научная книга. 2004. № 2. С. 16–30.

Корзун В.П., Сидорова Л.А. Новые краски к портрету Милицы Васильевны Нечкиной // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2023. Вып. 83. С. 353–357.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). 2 изд., доп. СПб.: Искусство – СПб, 2008. 399 с.

Матханова Н.П. Из опыта работы в серии «Полярная звезда» // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 1 (2). С. 200–205.

Матханова Н.П. «...Надо сразу взять надлежащий тон высокого научного стиля издания по линии текстологии»: Письма академика М.В. Нечкиной к иркутскому декабристоведу С.Ф. Ковалю (1974–1980 гг.) // Отечественные архивы. 2024. № 4. С. 90–100.

Матханова Н.П., Мельников А.В. «...Благодарное дело, нужное, интересное, имя которому “Полярная Звезда”»: Письма С. Ф.Ковалю М.В. Нечкиной о создании серии «Полярная звезда» // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Иркутск, 2023. Вып. 7. С. 7–30.

Нечкина М.В. Декабристы. М.: Наука, 1982. 182 с.

Репина Л.П. Память и наследие в «крестовом походе» против истории или рождение «мемориальной парадигмы» // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 6–16.

Тихонов В.В. Тоска по методу: М.В. Нечкина и ее первая монография «Русская история в освещении экономического материализма» // Magistra Vitae. 2018. № 1. С. 199–212.

Туманик Е.Н. Семен Федорович Коваль – очерк к образу ученого-декабристоведа // Историческая школа Иркутского государственного университета: традиции и современность / под ред. Л.М. Дамешека, А.А. Иванова, С.И. Кузнецова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2023. Вып. 1. С. 78–101.

Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008. 384 с.

Reference

(2009). *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri. Vol. 2. 807 p.

Akhiezer, A.S. (1997). *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: Criticism of Historical Experience (Socio-Cultural Dynamics of Russia)]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. Vol. 1. 804 p.

Baranovich-Polivanova, A.A. (2001). *Oglyadyvayas' nazad* [Looking Back]. Tomsk, Vodoley. 192 p.

Bokova, V.M. (1995). Predislovie [Preface]. In *Dekabristy i ikh vremya. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. Iss. 88, pp. 5–14.

Il'in, P.V. (2019). Dekabristovedcheskaya nauchnaya traditsiya: aktual'nye zadachi izucheniya v proshlom i nastoyashchem [The Scientific Tradition of the Decembrists: Current Tasks of Research in the Past and Present]. In *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. No. 2, pp. 146–155.

Kazantseva, L.A. (2004). Memuarnoe i epistolyarnoe nasledie dekabristov [Memoirs and Epistolary Heritage of the Decembrists]. In *Nauchnaya kniga*. No. 2.

Korzun, V.P., Sidorova, L.A. (2023). Novye kraski k portretu Militsy Vasil'evny Nechkinoy [New Colors for the Portrait of Militsa Vasilyevna Nechkina]. In *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noy istorii*. Iss. 83, pp. 353–357.

Lotman, Yu.M. (2008). *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX v.)* [Conversations about Russian Culture. Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Centuries)]. St. Petersburg, Iskustvo – SPB. 399 p.

Mathanova N.P. (2024). "...Nado srazu vzyat' nadležhashchiy ton vysokogo nauchnogo stilya izdaniya po linii tekstologii": Pis'ma akademika M.V. Nechkinoy k irkutskomu dekabristovedu S.F. Kovalyu (1974–1980 gg.) ["It is Necessary to Immediately Adopt the Proper Tone of the High Scientific Style of the Publication in the Field of Textology": Letters from Academician M.V. Nechkina to the Irkutsk Decemristologist S.F. Koval (1974–1980)]. In *Otechestvennye arkhivy*. No. 4, pp. 90–100.

Mathanova, N.P. (2012). Iz opyta raboty v serii "Polyarnaya zvezda"» [From the Experience of Working in the "Polar Star" Series]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 1 (2), pp. 200–205.

Matkhanova, N.P., Mel'nikov, A.V. (2023). "...Blagodarnoe delo, nuzhnoe, interesnoe, imya kotoromu "Polyarnaya Zvezda": Pis'ma S. F.Kovalya M.V. Nechkinoy o sozdanii serii "Polyarnaya zvezda" ["...A Grateful Deed, Necessary, Interesting, Whose Name is 'Polar Star'": Letters of S.F. Koval, M.V. Nechkina on the Creation of the "Polar Star" Series]. In *Dekabristskoe kol'tso: Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov: sbornik statey*. Irkutsk. Iss. 7, pp. 7–30.

Nechkina, M.V. (1982). *Dekabristy* [The Decembrists]. Moscow, Nauka. 182 p.

Repina, L.P. (2021). Pamyat' i nasledie v "krestovom pokhode" protiv istorii ili rozhdenie "memorial'noy paradigmy" [Memory and Heritage in the "Crusade" Against History or the Birth of the "Memorial Paradigm"]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 2 (71), pp. 6–16.

Shubin, A.V. (2008). *Dissidenty, neformaly i svoboda v SSSR* [Dissidents, Informals and Freedom in the USSR]. Moscow, Veche. 384 p.

Tikhonov, V.V. (2018). Toska po metodu: M.V. Nechkina i ee pervaya monografiya "Russkaya istoriya v osveshchenii ekonomicheskogo materializma" [Longing for the Method: M.V. Nechkina and Her First Monograph "Russian History in the Light of Economic Materialism"]. In *Magistra Vitae*. No. 1, pp. 199–212.

Tumanik, E.N. (2023). Semen Fedorovich Koval' – ocherk k obrazu uchenogo-dekabristoveda [Semyen Fyedorovich Koval: An Essay on the Image of a Decembrist Scholar]. In *Istoricheskaya shkola Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta: traditsii i sovremennost'*. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU. Iss. 1, pp. 78–101.

Vandalkovskaya, M.G. (2001). Istoriya istoricheskoy nauki v tvorchestve Militsy Vasil'evny Nechkinoy [The History of Historical Science in the Works of Militsa Vasilyevna Nechkina]. In *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskij vestnik*. Moscow, Nauka, pp. 3–11.

Zhitomirskaya, S.V. (2006). *Prosto zhizn'* [Just Life]. Moscow, ROSSPEN. 600 p.